

«Вторая молодость Гризельды»

шокирующая сценическая постановка

Павел Бернацкий, Вантаа, 2026

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА

ПАЛАЧ

ИНКВИЗИТОР

Сцена 1

Камера пыток — кабинет инквизитора

ПАЛАЧ

ИНКВИЗИТОР

ИНКВИЗИТОР:

Мастер Добромил!

ПАЛАЧ:

Я знаю. Это было неправильно.

ИНКВИЗИТОР:

Добромил! Посмотри на меня! Перестань смотреть в пол! Мы же на «ты». Садись и выкладывай всё, что у тебя на душе.

ПАЛАЧ:

Бонифаций... Я не знаю, как до этого дошло.

ИНКВИЗИТОР:

Может, тебе нужен отпуск? Профессиональное выгорание? Кризис? Какие-то проблемы?

ПАЛАЧ:

Но я бы предпочел не вдаваться в подробности. На рабочем месте... Ты сам понимаешь.

ИНКВИЗИТОР:

Я ничего не понимаю. И не пойму, пока ты мне не скажешь. Я вхожу в камеру пыток, а ты, вместо того чтобы выполнять свои обязанности, смотришь на подозреваемого таким взглядом... И у тебя такое выражение лица, будто ты вот-вот разрываешься. Подозреваемый обращается ко мне: «Господин инквизитор! С мастером-палачом что-то случилось! Может, вызвать врача?». Добромил, скажи, как долго мы уже работаем вместе? Скоро будет двадцать лет! Если у тебя проблемы, просто скажи. И мне, а не заключённому — ведь именно я отвечаю за работу нашей Палаты пыток.

ПАЛАЧ:

Мне нужно идти. Деликвент ждёт...

ИНКВИЗИТОР:

Пусть ждёт. Я приказываю провести сегодня реорганизацию. Садись и рассказывай, в чём дело.

ПАЛАЧ:

Может, я и вправду кое-что ему рассказал. Не стоило этого делать. Я себе это объяснял так: ведь после завершения процедуры он всё равно не сможет никому передать эту информацию. Да и сегодня он был единственным клиентом в камере пыток, так что нас никто не слышал. Но признаю, это было неправильно.

ИНКВИЗИТОР: (доставая бутылку и два стакана.)

Ладно. Я объявляю реорганизацию в формате знакомства. Мы не на рабочем месте. Здесь нет служебной иерархии. Наша цель — создать атмосферу доверия и взаимопонимания. Что случилось, Добромил?

ПАЛАЧ:

Гризельда. Так её зовут.

ИНКВИЗИТОР:

Это останется между нами, Добромил. Тебе не нужно было называть имя. У каждого может быть момент слабости. Я понимаю. Я не лезу в твою личную жизнь. Но это, прости за откровенность, странно. Тебе уже не двадцать лет. Я не могу себе представить, чтобы мысль о какой-либо женщине могла до такой степени овладеть человеком, в конце концов, зрелым. И притом так, что он не может сосредоточиться на работе. Профессионала, известного своим мастерством и уважаемого даже за пределами Королевства. Работа — это одно. Но ты работаешь с увлечением, совершенствуешься в своём ремесле, завоевал репутацию. Публика тебя любит. А участие в соревнованиях? В командных соревнованиях на уровне Королевства? Посмотри на свои трофеи, на благодарственные грамоты, благодарности... А дважды завоеванный титул «Исполнителя года» — это ничего не значит? К тому же ты преданный, лояльный сотрудник. Постой — разве Гризельда не имя твоей тещи?

ПАЛАЧ:

Да, это имя моей тещи. И действительно, мне трудно перестать о ней думать. Не хочу утомлять тебя техническим жаргоном, Бонифаций, но есть услуги, которые просто ассоциируются у меня с ней. Ничего не подделаешь. Расскажу тебе об одном случае. Я был на встрече подмастерьев моего выпуска. Сам понимаешь, мы едва узнали друг друга. Люди меняются, тем более за столько лет. Сначала, конечно, обсуждали, кто где живёт, как у кого сложилась жизнь. После пары пива разговор перешёл на профессиональные темы. И кто-то придумал, что мы называем только название услуги, а следующий говорит имя, которое у него с ней ассоциируется. И предлагает новое название услуги. Понимаешь — такая юношеская забава. Кто дважды назовёт одно и то же имя, тот ставит кружку.

ИНКВИЗИТОР:

Добромил, если хочешь повышение, не нужно ходить вокруг да около. Мы договоримся. Зачем весь этот цирк? Но не сердись, ты, на мой взгляд, зарабатываешь прилично. Поставить кружку — это не должно быть проблемой.

ПАЛАЧ:

Заказать пива — это не проблема. Тем более что такие встречи случаются действительно редко. Проблема в другом. Ладно, я объясню тебе это буквально. Слышу «вырвать язык раскаленными клещами» — думаю «Гризельда». Слышу «напоить кипящим свинцом» — думаю «Гризельда». Слышу «сожжение ведьмы на костре» — думаю «Гризельда».

ИНКВИЗИТОР:

Может, ты просто влюбился. Знаешь, цивилизация подразумевает соблюдение определённых норм. Не только правовых норм. Но бывает так, что нормы — это одно, а жизнь — другое. Бывает так, что у человека, например, не складываются отношения с женой, а судьба ставит на его пути другую женщину. Может, чуть постарше, но привлекательную, энергичную, элегантную. Пусть даже тещу. Я не о тебе говорю. В конце концов, фантазии о собственной теще могут приходить в голову каждому. Это ещё не повод вызывать врача или сажать человека в колодки. Я не могу и не хочу давать тебе советы. Но, может быть, тебе стоит попытаться спасти то, что у тебя есть. Ты мог бы, например, предложить жене, что для вас обоих было бы полезно сосредоточиться друг на друге. Я знаю, что это звучит не очень хорошо, ведь это означает ослабление связей с её семьёй. Может, дай ей понять, что госпожа Гризельда не должна навещать вас слишком часто. Лучше всего сказать ей это прямо. Ты говорил об этом с женой?

ПАЛАЧ:

Бонифаций, я правильно понимаю — ты спрашиваешь меня, случалось ли мне намекать жене, что я не в восторге от визитов тещи?

ИНКВИЗИТОР:

Если так сформулировать, то это действительно звучит немного странно. Отзываю вопрос. Скажи тогда, когда начались проблемы?

ПАЛАЧ:

Сегодня утром.

ИНКВИЗИТОР:

Значит, вы поговорили? Вот видишь! Диалог — это основа отношений.

ПАЛАЧ:

Сегодня утром приехала моя свекровь. С огромными чемоданами. Говорила, что только на два дня и что хотела сделать нам приятный сюрприз. Я онемел. А через минуту она сказала, что передумала, потому что мы так радушно её приняли. Что решила провести у нас две недели, а потом уедет, даже если мы будем на коленях умолять её остаться подольше.

ИНКВИЗИТОР:

Две недели? Ну, неделю отпуска я мог бы тебе дать прямо сейчас. Не беспокойся об этом клиенте, который ждёт завершения услуги. Я найду кого-нибудь на замену, это можно уладить.

ПАЛАЧ:

Мне не нужен никакой отпуск. Теща будет у нас две недели, и такой был её план с самого начала. Она сказала, что ей хватит какого-нибудь уголка для сна. Чтобы мы не беспокоились из-за её присутствия, потому что она не хочет нам навязываться. Просто хочет составить нам компанию и подбодрить нас.

ИНКВИЗИТОР:

Мотивировать?

ПАЛАЧ:

Так она и сказала. Мотивировать. Потому что мы, то есть я с женой, как ты понимаешь, почиваем на лаврах и довольствуемся средним статусом. У нас нет стремлений. А она, моя теща, не может на это смотреть. Она решила для нашего же блага показать, что в жизни нужно иметь видение. Нужно мыслить широко, нужно осмелиться осознать свои потребности, нужно иметь...

ИНКВИЗИТОР:

... Стремления?

ПАЛАЧ:

Именно. Ты сталкивался с чем-то подобным?

ИНКВИЗИТОР:

Я писал об этом в своей докторской диссертации.

ПАЛАЧ:

Ты что, шутишь?

ИНКВИЗИТОР:

Вовсе нет. История Инквизиции полна примеров людей, которые не желают ничего другого, как бескорыстно указать нам, инквизиторам, правильный путь поведения, подсказать, какие решения мы должны принимать, и так далее. У них есть конкретные предложения, иногда даже готовые проекты, носящие характер правовых решений. Очень часто их автором является какой-нибудь умерший предок, явившийся им во сне. При этом этот предок осознал эти откровения только после смерти, а всю жизнь вообще не интересовался этим, а по крайней мере никому ни словом об этом не упоминал. Этот предок, однако, по каким-то таинственным причинам не мог явиться во сне, например, каштеляну, опасаясь, что тот ему не поверит. Но он нашёл превосходный выход, а именно явился во сне тому, кто вообще не вправе принимать никаких решений. Эту продуманную стратегию он выбрал в надежде, что мы поверим именно этому кому-то, и в качестве решающего аргумента сообщил этому кому-то, что на каждого, кто ему не поверит, неминуемо обрушатся ужасные бедствия и катастрофы. Затем, что вполне естественно, мы все погибнем и благодаря этому извлечём урок на будущее.

ПАЛАЧ:

Теща пока не упоминала ни о каких катастрофах. Ни о снах.

ИНКВИЗИТОР:

Понимаю. Это был просто пример. Может, приведу тебе другой, Добромил. В университете у нас был один приятель. Неважно, как его звали, назовем его Блажей. Он выглядел как несчастье, за него бы ты не отдал и трех талеров, к тому же он не имел ни малейшего представления, как разговаривать с дамами. Хотя он и был дворянином, даже мещанки не хотели его.

ПАЛАЧ:

Бонифаций, ты не намного моложе меня. Во времена твоих studiów мещанки и вообще женщины не могли даже приближаться к университету, не говоря уже об обучении. Даже сейчас обучение подмастерьев обычным ремеслам, скажем, ремеслу палача, вызывает у многих явное неприятие. Так что уж не говоря об университете.

ИНКВИЗИТОР:

Я сказал, что Блажея не хотели даже горожанки. Ни одна белоголовая его не хотела. Я не говорил, что речь идет о белоголовых, которые учатся с нами на одном курсе. То, что девушки не могли приближаться к университету, ещё не значит, что университет не мог приближаться к девушкам. Заметь, что последнее — это уже твоё предположение. Ошибочное предположение. А почему ты так думал? Потому что сам не учился. Точно так же мой коллега Блажей, не имея ни малейшего представления о белоголовых, решил, что все они такие же, как он. Что они — существа, погружённые в логику и диалектику. Другими словами, что такая белоголовая не делает ничего другого, кроме как философствует. С утра до ночи. Что достаточно логически убедить белоголовую, например, каким-нибудь аргументом, и вот он, Блажей, станет самым востребованным молодым человеком во всём университете.

ПАЛАЧ:

Что-то мне подсказывает, что у него не получилось.

ИНКВИЗИТОР:

И да, и нет. Блажей проявлял особый интерес к проблеме веры. Он разработал аргумент, который, по его мнению, должен был неотразимо убедить любую белоголовую потакать всем его прихотям, даже самым греховным. Он утверждал, что белоглавая, которая пойдёт ему на поводу, несомненно обретёт какое-то великое счастье или, соответственно, избежит какого-то страшного несчастья. Поскольку это утверждение невозможно проверить, он считал, что белоглавы должны пойти ему на поводу, на всякий случай. Если женщина поверит ему и пойдет на поводу, а окажется, что он лгал, то она мало что теряет. Если же она не поверит ему и не пойдет на поводу, а окажется, что он говорил правду, то она подвергает себя какому-то великому несчастью. Или упускает какой-то великий шанс.

ПАЛАЧ:

Знаешь, Бонифаций, я простой ремесленник, не разбираюсь в ваших диалектиках. Но не думаю, что этот его аргумент убедит какую-либо девушку. Даже в мои времена девушке нужно было видеть всё чёрно-на-белом: либо ты старший подмастерье, а лучше уже мастер, приглашаешь её на обед, причём не один раз, покупаешь ей какую-нибудь подарку — либо тебя вообще не существует.

ИНКВИЗИТОР:

Дело в том, что аргумент Блажея с логической точки зрения безупречен. Во всяком случае, он оказался убедительным для родственников некой девушки, которые застали его, когда он убегал из её спальни.

ПАЛАЧ:

В это я тебе уже не поверю, Бонифаций. В такой ситуации родственники не будут вступать в дискуссии, а просто убьют его. Ну, по крайней мере, кастрируют. Разве что он сможет их как-то подкупить и женится на этой даме.

ИНКВИЗИТОР:

Твоя интуиция тебя не подводит, Добромил. Только, не сердись, ты слишком поспешно делаешь выводы. Аргумент показался им убедительным и правильным, но они использовали его против Блажея. Тот клялся, что никогда не был в спальне той дамы, что, правда, беседовал с ней, но исключительно на философские темы.

ПАЛАЧ:

Они ему поверили?

ИНКВИЗИТОР:

Это невозможно однозначно утверждать. Они сказали, что не хотят вникать в то, просто ли он беседовал с этой дамой или, может быть, занимался чем-то другим. Как образованные люди, они заявили, что прошлое так или иначе нельзя изменить, а порой даже невозможно установить с полной уверенностью. Поэтому они оставили этот вопрос открытым, но, с другой стороны, не преминули обеспечить себе гарантию, на всякий случай, что такая ситуация не повторится.

ПАЛАЧ:

Гарантии? Какую гарантию он мог им дать?

ИНКВИЗИТОР:

Наш Блажей говорил, что дал им торжественное слово чести, что больше этого не сделает.

ПАЛАЧ:

В это я не поверю. Наверняка его как минимум кастрировали, да и то, скорее всего, неудачно.

ИНКВИЗИТОР:

Я понимаю, Добромил, что тебя может раздражать, когда кто-то без соответствующей квалификации берется за твою работу. Но, не сердись, ты делаешь необоснованные предположения. Я верю ему, что он дал им торжественное слово чести. Думаю, он, наверное, делал это несколько раз. Но я не предполагаю, что они на этом остановились. Необоснованные предположения дисквалифицировали бы меня как инквизитора...

Сцена 2

Камера пыток — кабинет инквизитора

ИНКВИЗИТОР

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА

ПАЛАЧ

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Доброе утро! Я не помешала?

ИНКВИЗИТОР:

Ни в коем случае, ни в коем случае, милостивая госпожа! Пожалуйста, устройтесь поудобнее! Если меня не подводит память...

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Я Гризельда. Очень приятно познакомиться. Мой зять работает у вас, я позволила себе заглянуть, так как у меня как раз закончились занятия на курсах керамики для людей любого возраста.

ИНКВИЗИТОР:

Инквизитор Справедливый. Мне очень приятно. Курс керамики? Это довольно изысканное занятие. Художественное, можно сказать.

ПАЛАЧ: *(беря бутылку со стола)*

Тогда я, пожалуй, вернусь к работе.

ИНКВИЗИТОР:

Но нет, в этом нет необходимости, мастер Добромил. Реорганизация — это реорганизация.

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА: *(к палачу)*

Дорогой зять? Разве ты сегодня не говорил, что у вас будет реорганизация...

ИНКВИЗИТОР:

Ах, это было моё решение, принятое, так сказать, в обход установленных процедур. Мастер Добромил не мог об этом знать.

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

А эта бутылка? Вы, господин инквизитор Справедливый, не поверите, но со мной бывало... ну что ж, скажу откровенно. Мне случалось держать на кончике языка слова критики в адрес некоторых людей, которые вступили в брак с представителями творческой семьи с высокими устремлениями, но не могут отказаться от своей склонности к крепким напиткам. Однако из деликатности я держала это при себе.

ИНКВИЗИТОР:

Но, что ж, опять же. Ваше Превосходительство, пожалуй, ошибаетесь: мастер Добромил, просто услышав, что речь идет о реорганизации, взял бутылку, чтобы продезинфицировать инструменты в Зале пыток. Употребление алкоголя на рабочем месте, разумеется, запрещено. Нас обязывают строгие правила безопасности, мы не можем позволить себе рисковать жизнью персонала. Да и употребление алкоголя в присутствии клиентов, ожидающих оказания услуги, стало бы серьезным нарушением профессиональной этики, не говоря уже о том, что это противоречило бы нашим новейшим правилам.

ПАЛАЧ:

Конечно. Я имел в виду лишь дезинфекцию топора. В бутылке действительно находится средство...

ИНКВИЗИТОР: *(перебивая)*

.. для дезинфекции. Мы не можем рисковать тем, что клиенты из-за нашей халатности пострадают, вы сами это понимаете, уважаемая госпожа Гризельда. Итак, меняя тему, вы занялись керамикой?

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Ах, господин Инквизитор, чем я только не занимаюсь... Достаточно сказать, что уже завтра у меня занятия на двух других курсах. Не буду раскрывать подробностей, но они тоже связаны с искусством. Я поддерживаю художественные традиции нашего рода и в то же время стремлюсь лично развиваться, воплощать свои устремления...

ИНКВИЗИТОР:

Конечно, конечно, уважаемая госпожа Гризельда! Очень похвальное намерение, я бы даже сказал, почетное. Сожалею, что избыток профессиональных обязанностей не оставляет мне времени, чтобы посвятить себя своим увлечениям. А когда-то я любительски играл на лютне и давал большие надежды...

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Ах, я чувствовала, что вы, господин Инквизитор, как образованный человек, оцените мою инициативу посвятить себя чистому Искусству! Так мало людей, ценящих настоящую страсть! Не мало тех, кому кажется, что достаточно жениться на представительнице семьи с высокими устремлениями, чтобы претендовать на...

ПАЛАЧ: *(с бутылкой в руках)*

Тогда я позволю себе уйти. Прошу прощения...

ИНКВИЗИТОР:

Конечно же. Дезинфекция не терпит отлагательств.

Сцена 3

Камера пыток — кабинет инквизитора

ИНКВИЗИТОР

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Теперь, когда мы остались наедине, могу признаться вам, господин инквизитор, что я не хожу ни на какие курсы керамики. Я не хотела выдавать себя перед своим зятем, который является самым благородным человеком, но вы сами понимаете... Он не из тех мужчин, у которых есть амбиции. Не раз мне очень хотелось дать ему это понять, но меня сдерживала лишь врождённая деликатность.

ИНКВИЗИТОР:

Неужели? Значит, вы меня обманули, госпожа Гризельда! Меня, опытного инквизитора! Значит, дело не в керамике?

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Совершенно нет! Это будет сюрпризом для всех, когда я наконец добьюсь успеха. Я хожу на множество занятий. Курс «Изящной походки», курс «Исполнения реверансов с должной грацией», курс «Исполнения изысканных кивков головой»...

ИНКВИЗИТОР:

Невероятно. Все эти навыки можно приобрести в нашем городе?

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Это только начало. Я записалась на «Курс бросания сокрушительных взглядов», «Курс достойного поднятия головы», «Курс выполнения властных жестов» и на специальные консультации по «Придворному самовосхвалению». Но это уже на следующей неделе. Только прошу вас о конфиденциальности, господин Инквизитор. Никто не должен узнать об этом раньше времени, включая моего зятя Добромила. Он человек достойный, но совершенно лишенный амбиций...

ИНКВИЗИТОР:

Конечно же. Я буду молчать как могила, уважаемая госпожа Гризельда! Однако я попрошу вас об взаимной услуге, а именно — не выдавать никому, как ловко вы меня обманули с этой керамикой. Вам не чужда хитрость, госпожа Гризельда... Позвольте ли вы мне задать один вопрос?

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Конечно же, господин инквизитор.

ИНКВИЗИТОР:

Все эти курсы... Их названия заставляют меня предположить, что за ними стоит какая-то цель. Возможно, даже один и тот же человек. Могу ли я спросить о каких-нибудь подробностях?

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

К сожалению, я не могу раскрыть вам подробности, господин инквизитор. Я связана словом. Сейчас так много мошенников. Кто-то поделится своими планами по саморазвитию, по развитию какого-то дела, а они готовы украсть идею, цинично выдать её за свою и разрушить даже самое многообещающее начинание, в которое кто-то вложил сбережения всей жизни.

ИНКВИЗИТОР:

Конечно, пожалуйста, не называйте никаких имен и ничего, что могло бы навести меня на личности организаторов этих курсов. Я и не собирался об этом спрашивать.

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Я расскажу вам в доверии, но без имен. И попрошу кое-что взамен.

ИНКВИЗИТОР:

Что же это?

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Ничего особенного. О конфиденциальной информации, касающейся моей семьи, будущего моей дочери, одним словом, о вещах, о которых я, как мать, имею право спрашивать.

ИНКВИЗИТОР:

Речь, может быть, идёт о положении и перспективах мастера Добромила? Конечно, уважаемая госпожа Гризельда, я не могу отказать вам в предоставлении соответствующей информации, поскольку вы являетесь членом семьи. Но, разумеется, после получения соответствующего запроса в письменной форме. Продолжайте, пожалуйста...

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Дело в том, что мой деловой партнер, с которым мы вскоре намерены открыть собственный театр — а точнее, передвижную театральную труппу, — открыл передо мной новые возможности. Это молодой человек, очень талантливый и предприимчивый. Не без связей. Он говорил, что по настоятельной просьбе высокопоставленных лиц занялся написанием пьес. А потом он решил, что будет заниматься не только написанием пьес, но и организацией спектаклей. Он одновременно и артист, и организатор. Он увидел во мне потенциал!

ИНКВИЗИТОР:

Да. Понимаю. Итак, этот молодой человек убедил вас, уважаемая госпожа Гризельда, вложить свои сбережения в передвижную театральную труппу, которая, как я понимаю, будет ставить пьесы, написанные им?

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Да где же! Он на этом ни талара не заработает. Он умолял меня вложить средства в себя, не скрывать от мира свой талант. Говорил, что с моей стороны это было бы преступлением против самого Искусства. Потомки мне этого не простили бы. Я бы до самой смерти сожалела об упущенной возможности. А с вами, господин инквизитор, никогда не случалось, чтобы кто-то обратился к вам с просьбой, которую вы отклонили, а потом об этом пожалели?

ИНКВИЗИТОР:

Я понимаю, что это риторический вопрос. Прошу вас продолжать, уважаемая госпожа Гризельда...

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Действительно, эти курсы, необходимые для развития моей будущей карьеры в качестве первой звезды театра, требуют определённых затрат. К счастью, этот молодой автор напишет пьесу совершенно бесплатно и специально для меня. В таких условиях я просто не могла отказаться! Он даже раскрыл мне общую концепцию своей пьесы. Могу ли я, господин Инквизитор, кратко изложить вам её основные положения?

ИНКВИЗИТОР:

Конечно же! Я весь во внимании.

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Это история прекрасной юной Пульхеринды. Пульхеринда была всего лишь девочкой, когда её продали в цирк. Однако благодаря любви владельца цирка она обретает свободу. Затем в неё поочерёдно влюбляются всё более высокопоставленные сановники. В конце концов она обвиняется злобным Хоррификусом в колдовстве и должна быть сожжена на костре.

ИНКВИЗИТОР:

Полагаю, до этого не дойдёт?

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Уже стоя на костре, юная Пульхеринда произносит пламенную речь перед собравшейся толпой, вызывая её восторг. После этой речи палач, ответственный за казнь, говорит, что предпочитает погибнуть сам, чем сжечь такое чудесное и прекрасное существо, как Пульхеринда. Тогда палач убивает себя, а разъяренный Хоррификус хочет собственноручно поджечь костёр Пульхеринды.

ИНКВИЗИТОР:

И кто-то помешает его планам?

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

На сцену выходит справедливый Судья, который открывает изумлённой толпе, что в Королевстве действует давно забытый закон. Этот закон гласит: если палач добровольно примет смерть вместо осуждённого, то осуждённый должен быть освобождён от вины. Таким

образом, юная Пульхеринда становится свободной и в конце концов выходит замуж за рыцарского принца, который безумно влюблён в неё.

ИНКВИЗИТОР:

Гениально! Полагаю, что Хоррификус понесёт заслуженное наказание. Действительно, в этой истории есть потенциал. Могли бы мы перейти к информации, которую вы хотели получить, уважаемая госпожа Гризельда? Как член семьи мастера Добромила?

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Мелочь, я составлю соответствующий запрос и принесу его после завтрашних занятий. Речь идет о кредитоспособности моего достойного зятя. Я знаю, что вы предлагаете кредиты для сотрудников...

ИНКВИЗИТОР:

Ах, так вот в чём дело. Никогда бы не догадался. Пожалуйста, не составляйте запрос, эту информацию я могу предоставить вам устно. К сожалению, ситуация не выглядит обнадеживающей. Мастер Добромил не погасил последний кредит, имеет задолженность по взносам, мы начисляем штрафные проценты... Наверное, он в этом не признался. Что тут много говорить, ваш зять — известный картежник. Хороший человек, уважаемый в кругах, но у каждого есть свои слабости. Сегодня он хотел одолжить у меня десять талеров. Я хотел дать четыре, но он говорит, что ему нужно как минимум шесть. Букет цветов, говорит он, стоит три талера, а ему сегодня обязательно нужно принести домой два букета... Вы плачете, госпожа Гризельда?

ГОСПОЖА ГРИЗЕЛЬДА:

Нет, нет. Благодарю вас за информацию, господин инквизитор.

ИНКВИЗИТОР:

Пожалуйста, не беспокойтесь. Он выправится, у него есть наша полная поддержка, мы не планируем никаких сокращений. Это надежный работник, и если бы не эти проклятые карточки... Между нами говоря, лучше не давать ему наличные. Ни в коем случае не стоит ничего ему одалживать. Приготовить что-нибудь вкусное — да. Сказать что-нибудь приятное. Ему сейчас, прежде всего, нужна поддержка близких людей, госпожа Гризельда!